

Сталкер, как возможная философская точка зрения на потустороннее

Андрей Райчев

ИНСТИТУТ КРИТИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ,
ПЛОВДИВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, БОЛГАРИЯ

“Сталкер” является одним из шедевров человечества. Может быть, в нем дух человека достиг в своем развитии одной из самых удаленных от нас вершин – таких, как музыка Рахманинова, романы Достоевского... Разумеется, этот фильм - о вере. О вере и о страхе. Если говорить о том, что основное, главное в этом фильме, о чем в нем говорится, то главное заключается именно в этом: человек боится верить, он просто не умеет верить. Нашей цивилизации, человеку наших дней – продукту Европы – веры не дано. И сколь бы страшные препятствия мы ни преодолевали, мы приходим к точке, когда как будто нами уже все преодолено, и ...

Мы несовершенны, мы злы – и поэтому мы боимся...

Я не буду говорить об этом – это всего лишь одна из возможных интерпретаций фильма, а таких интерпретаций могут быть тысячи. Мне хотелось бы остановиться только на интеллектуальной стороне этого вопроса.

Фильм представляет собой и интеллектуальный шедевр. Можно сказать, что в нем реализуется целостное исследование (в самом лучшем смысле этого слова) того, что не способна изучать наука. Причиной чему, разумеется, является то, что нормальная наука вообще нечувствительна к подобной проблематике. Наука, как известно, решает головоломки и в конечном итоге представляет собой не более чем разделение труда между людьми, занятыми увеличением своих знаний.

И вновь хочу подчеркнуть – я полностью абстрагируюсь от каких бы то ни было художественных, многопластовых, весьма сложных и намного более

Прим.редактора. Статья является частью книги “Привилегированные точки зрения”, которую вы можете прочитать в Интернете на сайте www.raichev.org. Перевод с болг. В. Зайцевой.

глубоких, чем я могу увидеть, аспектов данного фильма. Я говорю лишь об интеллектуальной стороне вопроса.

Каков предмет исследования фильма? Что именно исследует Тарковский, о чем он рассказывает? Очевидно, о Зоне. Говоря более прямо, о потустороннем. *Предметом этой истории является трансцендентность, потусторонность.* Потустороннее, рассматриваемое не так, как воспринимает его погруженный в мир человек, но со специфической точки зрения, позволяющей вести наблюдение как бы “извне”. В принципе, наблюдать за потусторонним с интеллектуальной точки зрения – занятие весьма сложное, поскольку в этом-то и состоит суть потустороннего: оно не дано, оно не здесь, оно не подлежит наблюдению. Тарковский выстроил такую точку зрения, с которой потусторонность становится видимой с точки зрения стороннего (извините за невольный каламбур) наблюдателя, т.е. наблюдателя извне. Мне хотелось бы показать, что говорит он об этой потусторонности. Разумеется, саму ее, эту потусторонность увидеть нельзя; можно увидеть, как живет в этой потусторонности человек, как он погружается в нее – и в этом заключается ее реальность. Мне не хотелось бы брать на себя ответственность и высказывать мнение по вопросу о том, существует ли Бог, потому что дело это глубоко личное. *Однако потусторонность является реальностью, в том смысле, что она представляет собой часть социальной организации.* Не существует ни одной социальной организации в истории человечества, которая не предполагала бы некоей потусторонности. Данная потусторонность имеет решающее значение для социальной организации. Можно сказать, что *глубочайшим, самым “конечным” основанием социального порядка любого рода является его потусторонность.* Разумеется, ни у одного индивида самосознание не содержит в себе подобных связей, никто не рассуждает: “Да, это потусторонность, и поэтому должен существовать такой-то и такой-то порядок”. Однако же эта потусторонность *фактически* конструирует порядок.¹ Верно и обратное – из каждого *порядка* можно вывести его потусторонность: сколько существует видов социального порядка – столько же и видов потусторонности. Можно предположить, что между ними существует определенное соотношение – вопрос здесь заключается в том, каково это соотношение. Те, кто слушал мои лекции в прошлом и позапрошлом годах, знают: *потусторонность, которая может проявиться в форме утопии, мифа или иной систематизации, представляет собой “онтологию” власти. Она является способом, посредством которого власть думает о “немыслимом” и обосновывает свои действия в ситуациях кризиса, в ситуациях, в которых она не знает, что ей нужно делать, по той причине, что повторение того, что делалось до сих пор, невозможно.* Когда власть, независимо какая, оказывается в ситуации подлинного кризиса и не в состоянии сделать следующего шага по механизму “etc...”, то тогда единственной онтологией, единственным миром, в котором содержатся указания о том, что следует делать, выступает потусторонний мир. Так поступает любой родитель, любой врач, учитель или политик – вообще, любая власть в ситуации кризиса припадает к источнику, каким для

¹ Самосознание “потусторонности” существует и в форме систематизаций-рефлексий. Однако это вторично.

нее является потустороннее. (Иногда они сами подчеркивают этот факт. Иногда скрывают это. Но это не меняет сути дела.)²

Условия возможности

Вернемся к фильму. Этот фильм, возможно, шокирует, он сложен, исключительно сложен – смотреть его нужно несколько раз. Фильм выстроен с опорой на структуру русской волшебной сказки. Почти по Проппу: вот герой, покидающий свой дом; вот исключительно важная фигура оборотня – *того, кто превращается*, кто одной ногой стоит в потустороннем, а другой – в здешнем мире. В сказках это Баба Яга, которая *находится на границе между потусторонним и здешним и служит проводником человека по потустороннему миру*. Эта Баба Яга обладает амбивалентными свойствами – она может превратиться во что-то, а потом опять вернуться в прежнее состояние. Или же это может быть серый волк, который как только кувырнется через голову, так сразу же становится человеком... Вообще, этот предмет-посредник *вводит живого человека в потусторонность*, дает указания о том, как нужно следовать правилам в этой потусторонности, указывает путь к намеченной цели, помогает вернуться назад. И в этом фильм сильно напоминает структуру русской волшебной сказки и многих других волшебных сказок. И одна из причин, по которым фильм временами бывает так скучен, что его временами очень трудно смотреть, заключается в том, что в нем, по сути дела, не использовано ни одного «детского» сюжета. Используются лишь самые простые средства, и поэтому человек неискушенный реагировал бы на него точно так же, как люди без музыкального опыта реагируют на музыку Рахманинова – они считают эту музыку какофонией, им просто скучно слушать ее. И снова хочу повторить – в фильме рассказана самая что ни на есть тривиальная история: Сталкер вместе с двумя другими героями, писателем и ученым, входит в потустороннее. Сталкер – их проводник. Таковы условия задачи. И теперь уже мы можем начать читать то, что раскрывает нам Тарковский.

Первым простым пластом в фильме является Сталкер, выступающий в анализе как *проводник в потусторонности*. Впрочем, такими реальными проводниками в потусторонности являются и Моцарт, и Булгаков, и Пикассо: следуя за ними, человек попадает *туда, где правил не существует. Где не действует большинство из всего того, о чем знаешь, как именно оно действует. Говорят, что гений³ – это тот кто думает о немыслимом*. Потусторонность, по сути дела, несмотря на то, что на первый взгляд кажется иной, на самом деле безрадостна, опасна и жестока. Строго говоря, если там существовало бы

² Далее – хотя и с совершенно иной точки зрения – речь идет о том, что Вебер называет «харизмой». Думаю, что стоит перечитать труды Вебера с подобной точки зрения. По сути дела, здесь, как я уже сказал в самом начале, социология мертвого человека сама показывает свои границы: сталкерство уже является проблемой социологии «живого» человека.

³ Гений – это самая чистая форма, в которой люди склонны замечать сталкеров.

хоть что-то вроде правил, если там была бы хоть какая-то повторяющаяся закономерность, то это стало бы просто еще одним видом порядка, у которого была бы еще одна, “своя“ потусторонность. *Зона, потустороннее, в принципе исключает любую повторяемость, она уникальна в любом своем пункте.* Впрочем, на этом я остановлюсь подробнее чуть ниже.

Каков мотив Сталкера? Это первый пласт. В фильме вы четко видите три ответа на этот вопрос.

1. Он делает это из-за денег.

Эта точка зрения опровергается чуть ли не сразу. Становится ясно, что он не может обречь себя на такое ужасное существование из-за денег, тем более, что мы видим, что столь же ужасающе живет и его семья. Следовательно, деньги вообще в этом смысле не могут быть ответом.

2. Он делает это для того, чтобы обладать властью.

Если вы помните, Писатель говорит ему об этом – вот ты тут сидишь и распоряжаешься нашими душами. В этом случае Сталкер начинает выступать в роли существа, для которого важно обладание властью как самоцель. Эта точка зрения также ограничена, потому что становится ясно, что он страдает в результате своего положения и никоим образом не пользуется этой властью. Как раз наоборот – он оказывается зависимым от своей публики. И в фильме это показано прекрасно. Значит, первая гипотеза, что Моцарт написал свою 40-ю симфонию за некую сумму денег, заменяется идеей, что Моцарт испытывает огромное удовольствие от зрелища огромного числа людей, молчаливо внимающих музыке – музыке, которую он написал. Однако и эта гипотеза отпадает, поскольку он на самом деле безумно волнуется, услышат они его музыку или нет; он страдает ужасно, он впадает в отчаяние, если публика не слышит его музыки или же слышит не то, что ему хочется, чтобы она услышала. В фильме и это есть: оба героя не хотят войти в Комнату. И Сталкер оказывается тяжело зависимым не от того, как эти двое ведут себя с ним, а как они ведут себя с Зоной. И здесь наступает черед третьей гипотезы, на которой обычно *останавливается обыденное сознание, когда речь идет о любом возможном сталкере:*

3. Он урод⁴.

В шедевре, который мы смотрели, эти три точки зрения на Сталкера *принадлежат обыденному сознанию - сознанию человека, которому потусторонность не нужна.* В фильме они отчетливо распределены по слоям и внятно представлены. Разумеется, они подвергаются критике, даются в кавычках, потому что не соответствуют истине. Или, точнее говоря, они представляют собой всего лишь фазы развертывания определенной точки зрения. Существуют, однако, и намного более важные и интереснее точки зрения.

Для того чтобы приблизиться к ним, следует задать всего один очень простой вопрос, который был задан этому человеку Писателем: “А почему *ты* не заходишь в Комнату?” Зачем водить туда других, когда сам Сталкер может сделать это? А теперь попытайтесь задать этот же вопрос другим сталкерам. Например, спросите у Рахманинова, почему он пишет музыку, вместо того

⁴ Что является самообосновывающейся точкой зрения.

чтобы, развалившись в кресле, слушать ее. Сталкер все время мучается, действительно все время, даже чисто физически – ему трудно, холодно, на каждом шагу его подстерегают опасности, он все время находится буквально в предсмертном состоянии. Почему же он действительно не использует Комнату? Зачем нужно Моцарту прилагать усилия, которые сводят его в могилу в сорокалетнем возрасте, вместо того чтобы просто улечься в постель, наслаждаясь музыкой, которая звучит у него в голове? В чем здесь проблема? И тут мы приходим к точке зрения, которая, по-моему, представляет собой первый важный компонент анализа того типа людей, которые должны соединять потусторонность с реальностью, соединять тот, иной мир с этим.

*Ответ, который представляется мне, звучит следующим образом: новое нельзя не сообщить; иначе оно не сможет возникнуть, но не в том смысле, что оно не будет “известно”, а по самой сути своей – сообщение этого нового является условием производства.*⁵ Зоны не будет, если будет некого по ней водить. Впрочем, Тарковский дает ответ и на это – когда нас здесь нет, неизвестно, как все здесь выглядит, его нет, оно происходит только когда мы здесь.⁶ Если Сталкеру будет некого водить по Зоне, то он сам ходить по этой Зоне не сможет. Абсурд пограничного существа, сталкера, заключается в том, что его потусторонность, в которой он, казалось бы, объективно существует, не сможет возникнуть, если он не будет водить людей в Зону. Оказывается, что Баба Яга не может гулять в потустороннем сама по себе, ей придется просто сидеть в своей избушке на курьих ножках. Для того, чтобы она могла ходить, ей нужно кого-нибудь вести. В этом – специфический вид маргинальности этих существ. Для того, чтобы оказаться в позиции сталкера, недостаточно всего лишь способности думать в категориях неких потусторонних смыслов – эти смыслы следует сообщать, давать кому-то. В этом-то и заключается само условие существования сталкера, условие возможности. Хуже того – должен существовать кто-то, кто бы брал то, что ему дается. И поскольку этот “кто-то” все же берет дающееся, однако не в полной мере, сталкер фактически страдает вдвойне. Во-первых, страдания сталкера причинены самой Зоной – ему страшно тяжело передвигаться в ней. И, во-вторых, для него имеет решающее значение, чтобы другие слушали его указания, чтобы они входили в Зону. И чем глубже они заходят, тем это становится для него важнее.

В субъективной форме Сталкер представляет собой то, что в объективной форме представляет собой Зона. Но! Она обладает определенными свойствами, совершенно отличающимися от здешнего естественного мира. Что там самое главное, что говорит об этом Тарковский? Зона не может быть

⁵ Иначе и быть не могло бы, если действительно формулой харизматического лидера является: “Писано, но я вам говорю”. Без тех, к кому можно обратиться, харизматическая власть не может реализоваться.

⁶ Потусторонность представляет собой форму совместности (“пребывания вместе”), говоря точнее. Иллюстрацией здесь может служить тот факт, что большинство сталкеров сталкивается с огромными личными затруднениями при тривиальной артикуляции смыслов, т.е. при тривиальных формах совместности.

понята⁷, потому что в ней ничего не повторяется. Там человек может только “быть”, она не поддается пониманию, не подлежит рефлексии. И это десятки раз подчеркивается в самом фильме.

И здесь мы подходим к самому важному, к самому сложному, по моему мнению. Решение, которое дает Тарковский, заключается в том, что в Зоне не существует какого бы то ни было опосредования – любого характера. В Зоне мы непосредственны. Это сближает концепцию Тарковского (скорее, ту интерпретацию его концепции, которую мы в настоящий момент конструируем) с одним из глубочайших вопросов христианской цивилизации вообще. Или с тем противоречием, на котором зиждется вся наша культура на протяжении последних двух тысяч лет. Под “нашей” я имею в виду культуру того огромного ареала, частью которого являемся и мы. Для нас дух, соединенный с телом, представляет собой противоречие, поскольку для того чтобы он мог существовать, он должен быть своей противоположностью. Иными словами, для того чтобы стать непосредственным, он должен быть опосредован. Для того чтобы стать самим собой, он должен превратиться в свою противоположность. Значит, существуют дух и тело. И для того чтобы дух оказался духом, он должен пройти через свою прямую противоположность, то есть он должен оказаться погруженным в материю. Простейшей иллюстрацией этого может послужить европейское познание. Познавая данный предмет, моя духовность превращается в свое отрицание, в свое “не”, полностью отдается предмету и лишь “потом” возвращается в себя. Я познал предмет, и тогда я был в своей ипостаси духа. Но без своего “не” дух не имеет собственного содержания – ни морального, ни эстетического, ни интеллектуального.

Однако в потустороннем вы видите именно это. Там люди, во-первых, не знают причин своих действий, а во-вторых, равно не знают и о последствиях этих действий. Потусторонность, по Тарковскому, обладает этим исключительно важным свойством – дух там находится у себя прямо, без усилий, непосредственно. В мире, в котором не существует каких бы то ни было причинно-следственных связей и ничто ничем не обоснованно, дух непосредствен. Поэтому, если вы заметили, по ходу фильма герои почти распадаются, точнее, распадаются в той степени, в которой их дух не является основанием самого себя. Они отправляются в Зону с очень простым замыслом. Ученый – для того, чтобы уничтожить Зону, он принес с собой бомбу (чуть ниже я остановлюсь на этом), а Писатель – за вдохновением. Попадая туда, они утрачивают свои мотивы и оказывается, что они просто перемещаются по Зоне... Ни одно из их действий ничем не обусловлено и ни к чему последующему не приводит. Логика их поведения полностью совпадает с “логикой” Зоны, т.е. сама Зона движет ими и, по сути, это движение является ее единственной “реальностью”. Замысла их действий не существует, так устроена потусторонность – там нет ничего опосредованного.

И здесь мы приходим к следующему. Я не совсем верю в то, что собираюсь вам сейчас сказать, но я хочу показать, как этот казус решается Тарковским. Потусторонность, в которую погружается человек, не оставляет никаких

⁷ Понимание в смысле расчленения на части, с тем чтобы установить смысл целого.

связей с реальностью, в ней нет даже обрывков реальности. Нет никакой рациональности. Что оказывается реальным? Что является единственной реальностью, которую герои застают и с которой неизменно должны считаться? Тарковский говорит об этом прямым текстом. Думаю, вы помните сцену, когда Писатель, остановившись на пороге, задумывается и в конце концов решает не переступить его. Тогда он начинает комментировать рассказанную до этого историю о другом человеке, по прозвищу Дикобраз. Этот Дикобраз – существо, вошедшее в Зону с практической целью. Дикобраз воспользовался Комнатой для себя лично. И затем покончил жизнь самоубийством – и это важная нить. Что же произошло? Ранее Дикобраз стал причиной смерти своего брата – человека, стихотворение которого было прочитано (впрочем, стихотворение принадлежит перу отца Тарковского, Арсения Тарковского), и затем отправился в Зону, чтобы просить в волшебной Комнате о возвращении жизни брату. И не получил никакого брата, зато получил деньги, потому что по-настоящему он хотел только денег, говорит Писатель. *Та единственная реальность, которую мы застаем в потусторонности, та реальность, которая создает эту потусторонность, - это желания. Воля, но подлинная, настоящая, а не внушенная, конвенциональная воля.* Значит, единственной возможной реальностью потустороннего являются волевые импульсы. Следовательно, по Тарковскому, все выглядит так: существует “здесь” и существует “там”, “по ту сторону”. И вот это-то “там” является объектом нашей веры и, соответственно, объектом нашего страха. *Способ присутствия потусторонности здесь – это глубокие, непосредственные, ничем не опосредованные желания человека.* Для того чтобы доказать, что Тарковский думает именно таким образом, я хотел бы вернуть вас к последней сцене фильма. Он показывает, что желание ребенка Сталкера превращается в непосредственное действие. Помните – звучала музыка Бетховена и девочка перемещала взглядом предметы? Желания сбылись здесь, в этом мире. Маленькая девочка, которая и физически была уродом, соединила потусторонность с реальностью. Соединенная с потусторонностью реальность в данном случае оказалась способностью перемещать предметы “силой духа”.

И если задуматься, то, по сути, это христианская формула. “Если бы была у вас вера величиной с горчичное зерно, вы могли бы сдвигать горы”. Это та же самая мысль.

Зона. Возможные позы в Зоне

Мы, однако, следим за интеллектуальной конструкцией и пытаемся рассуждать о самой потусторонности. Поэтому мы выходим за пределы точки зрения Тарковского и начинаем рассматривать Зону как какой-то предмет. Первая особенность этой Зоны, этой потусторонности – то, что ее структура (и в фильме это прекрасно показано) дается по линии “святое – святейшее”⁸. Это странная, очень интересная оппозиция. Вы видите ее почти во всех творениях человека, посвященных сакральности. Все пространство церкви свято, но есть одно, самое святое место посередине, которое противопоставлено самому

⁸ Оппозиция, исследованная Дюркхемом, Касирером, Лосевым.

святому. Значит, мы имеем формулу “сакральное-сверхсакральное”. У Зоны есть центр, и это фундаментально важно. В ней есть пункт выхода из нее, что-то вроде выхода к “здешнему” – и это место, где сбываются желания. Это пункт, в котором она соединяется с реальностью. Значит, потусторонность – не нечто, за пределами чего простирается бесконечное, нигде не кончающееся поле, а скорее, она представляет собой круг с четко обозначенным центром. Так выглядит человеческая потусторонность, или по крайней мере, наша, европейская. Центр этого круга является наиболее сакральным, наиболее потусторонним, но в силу естественного диалектического парадокса именно этот центр служит пунктом соединения с реальностью. Так она устроена. Мы находимся не в положении, в котором наш мир окружен некоей бесконечной потусторонностью. Наоборот, наши потусторонности, те, которые определяют нашу жизнь, представляются некими кучками, а в середине, среди этих кучек и находится один, самый важный предмет. И приходя в соприкосновение с ним, мы взаимодействуем с реальным. Может быть, так устроены все возможные потусторонности.

У самой Комнаты есть центр, и этот центр противопоставлен ей самой в двух смыслах: *этот центр – она, и в то же время не-она*. Потому что именно центр является *пунктом, где происходит соединение с реальным*. И вероятно, все возможные потусторонности, и следовательно, любая утопия, любой миф отличаются этой важной характеристикой.

Перейдем к описанию тех трех поз, которые Тарковским описаны как возможные для европейского духа в потустороннем. Это те три человека, которые являются героями фильма. Писатель отправляется в Зону за целью; его проблемой является цель. Ученый отправляется туда с предварительной целью, и его проблемой является именно применение средства. Т.е., *Тарковский исследует потусторонность посредством оппозиции “цель-средство”*.

В принципе говорят, что *потусторонность существует, поскольку мы представляем собой конечный дух*. Потусторонность – факт, потому что человек смертен. Наш дух не может обитать в мире, не имея тела. Это обуславливает тот факт, что, с одной стороны, мы – существа свободные, способные за одну секунду перенести свою мысль от звезды Вега до мельчайшего насекомого в углу комнаты. С другой стороны, наш дух конечен, он роковым и печальным образом зависит от чего-то очень маленького в этом мире. Вероятно, понятие потустороннего исходит из этого определения духа. У меня есть дух, есть и тело, и это невыносимое противоречие для нашей культуры. Мы, христианская цивилизация, в самой своей основе имеем это заложенное противоречие. Оно трансформируется, превращаясь во множество других, более слабых противоречий. Способ справиться с противоречием подобного типа – сделать его более слабым. (Вам известно описанное Леви-Стросом ослабление оппозиции “жизнь-смерть” у некоторых племен: от него происходит переход, скажем, к противопоставлению “земледелие-охота”, затем “хищник-травоядное”, и так после цепи ослаблений различных оппозиций получается искомый волшебный предмет, который удерживает в себе оба противоречивых свойства, например, какое-нибудь питающееся падалью животное, койот, сова, другой оборотень.)

Значит, мы получаем предмет, являющийся носителем обоих противоположных свойств, способный совместить их, способный решить противоречие, и этот предмет оказывается центральным для данной культуры. Вернемся к нашему противоречию “дух-тело”, о котором мы уже сказали, что оно невыносимо; по этой причине мы постоянно идем в сторону его ослабления, пока не найдем тот магический предмет, который в состоянии решить это противоречие. Посредник. Он, разумеется, возникает, повинувшись стихийным механизмам.

В данной конкретной схеме противоречие распадается, сводясь к оппозиции “цель-средство”. Оба понятия исследуются по отдельности. Начнем с Писателя – человек это исключительно одаренный, совершенно отчаявшийся, оставшийся без чего бы то ни было ценного на свете. И по сути, поэтому-то он и остался без цели. Это моральное существо, с исключительно утонченным вкусом и исключительно смелое. У него нет комплексов и предрассудков. Просто он перестал любить себя. А произошло это потому, что он не видит перед собой цели. Он пытается обрести ее. И на пороге Комнаты осознает, что, фактически, ничего, кроме самого себя, он не обретет. И не осмеливается перешагнуть через порог, потому что не любит себя. Здесь Тарковский показывает нечто исключительно важное, показывает весь трагизм – Писатель обречен, в конечном итоге, из-за того, что ничего в себе не любит, а не любит себя он потому, что у него нет ничего, что он считал бы большим, более ценным, чем он сам⁹. Ужаснувшись этого, Писатель не осмеливается переступить через порог. Нужно полюбить потустороннее, нужно пожелать именно это потустороннее, как это происходит у Сталкера, для того чтобы получить целостность, говорит Тарковский. Все остальное – отчаяние.

Рассмотрим фигуру Ученого. Важно то, что он отрицает необходимость существования потустороннего. История его пребывания в Зоне становится историей отказа от этой идеи, и он тоже доведен до полного душевного нищества. Простое практическое намерение – заложить бомбу и отойти на нужное расстояние, до того как она взорвется, по ходу действия распадается. Но распадается в силу того факта, что это - всего лишь средство. И строго говоря, никакой цели за этим средством не стоит. Если вы помните, Писатель в определенный момент говорит ему: “Ты же постоянно бежишь от возможности осознать, где ты находишься”. У Ученого нет связи с Зоной. Он относится к потустороннему как к реальности, воюет с Богом. Он рассматривает Зону как нечто, принадлежащее реальности, и она ему мешает. Борьба эта становится безнадежной, когда Ученый осознает, что Зону несут в себе ее “посетители”.

И вот мы приходим к последнему герою. К позе самого Сталкера в Зоне. В отличие от двух других героев, он не ищет целей и не применяет средств. Сталкер приступает к потустороннему, используя его же меру. В сущности, он творит это потустороннее. Потому что потустороннее, Зона находится под его “управлением”. Он идет, бросает всякие гайки... Зона вырастает из его рук, из его головы. Он все время мучается, страдает, но и творит, творит, творит эту

⁹ У него нет над-индивидуальной реальности, которой бы он подчинялся. А следовательно, нет и необходимости, которую он мог бы осознать. Это он – правильно – переживает как своего рода отсутствие свободы и страдает из-за этого.

Зону... Сам не зная почему. Но ведет туда людей. И испытывает огромное самоцельное наслаждение от того, что ведет туда людей, и каждый раз впадает в ужасающее отчаяние от результата. Чем успешнее он творит Зону, тем страшнее то, что случается с ним по возвращении из нее. И вновь и вновь он убеждается что *они* “ничего не поняли”. Вы помните эту сцену отчаяния дома у Сталкера, где жена утешает его. (Но *им* – мы это увидели – и нечего понять; без них Зоны не существует. *Просто не существует объекта понимания.*)

Все же есть в социальном мире нечто, в котором люди пребывают для того, чтобы вернуться и принести что-то новое. *Пребывание на самой границе и есть пребывание в потустороннем, потому что потустороннее начинается именно там*¹⁰. Люди, производящие новое, просто отправляются, смотрят, а затем возвращаются. Потустороннее представляет собой единственный возможный источник нового в христианском духе.

В последнем предложении описывается не более чем способ, который наша цивилизация использует для того, чтобы осознать и упорядочить свою потусторонность.

Вы еще удерживаете в памяти метафору (искаженный христианский миф), в которой оказывается, что стóит всего лишь пересадить самосознание в голову распятого Иисуса, для того чтобы он превратился в свою противоположность – в дьявола?

[Это¹¹ всего-навсего лишь вариация евангельского повествования о распятом Боге. Иисус Христос висит на кресте и терпеливо выносит унижения и страдания, которые просто трудно себе представить. Он страдает и физически, и в духовном плане, находясь на пределе человеческой боли и отчаяния. Во-первых, он умирает без какой бы то ни было надежды, с чувством, что его отец оставил его – таковы и его последние слова. Кроме того, он страдает и чисто физически – смерть распятого на кресте была долгой и мучительной. Его унижают, над ним издеваются. В мифе очень сильно настаивается на том, что Иисус *действительно* страдает, это – существенно важно для мифа. Иисус терпеливо и смиренно переносит свои страдания, несмотря на то, что он Бог, т.е. всемогущ и бессмертен. Метафора, которую я вам предлагаю, такова: представьте себе, что мы пересадили в голову Иисуса *самосознание* Бога. И в то время как его тело умирает на кресте, страдая и мучаясь, он обладает и другой инстанцией. Он не только страдает – я в полном отчаянии и мне больно просто невыносимо, - но кроме того несет в себе самосознание: я понимаю все и наблюдаю за вами. Сейчас я скажу об этом иначе. Представьте себе, что он не просто распят, но еще и внимательно следит за тем, кто что ему причиняет: вот этот колет меня копьем, вот этот возлагает мне на голову терновый венец, другой подносит к моим губам уксус, вон тот меня предал и т.д. Кем тогда становится Иисус, в кого он превращается? Он становится дьяволом - таков был бы сам дьявол, стремящийся к искушению других. Он становится инстан-

¹⁰ И к этой-то границе оно и сводится, если вам интересно узнать мое личное мнение.

¹¹ Текст в квадратных скобках является частью предшествующей лекции из книги “Привилегированные точки зрения. Книга, которую я чуть было не назвал “Социология мертвого человека”.”

цией, которая испытывает. И точно так же, как дьявол может явиться к кому-нибудь в виде красивой женщины, чтобы спровоцировать у того мысли и желания, противоречащие его убеждениям, именно так поступал бы и христианский Бог, если бы он обладал самосознанием. Если он просто отмечает в тетради, кто что ему причиняет, с намерением позднее наказать. Это на стороне Иисуса стало бы просто какой-то игрой. Все его духовное и материальное страдание свелось бы к иллюзии, созданной для других, для того чтобы они могли проявлять свои возможные плохие качества или же добродетели, подлежащие впоследствии наказанию или же, соответственно, вознаграждению. Делая пересадку самосознания основному евангелическому символу, мы получаем в итоге дьявола – существо страшное, гнусное и подлое. И ничего ужасного с этим существом, по сути дела, не происходит: страдает оно только понарошку и не только не пребывает в отчаянии, а даже наоборот – прекрасно знает, что вот-вот вознесется. Но тогда он был бы и злобным, потому что он был бы одинок, осознавая, что происходящее – истина не на его стороне, а на стороне других.

Это то, что я попросил бы вас удерживать в своем внимании, сколь бы абстрактной вам сейчас ни казалась эта идея. Я думаю, что *в метафоре об Иисусе скрывается ключ к новоевропейской трансценденции*. Целая цивилизация держится на этом “рассуждении”. И вы увидите, что заставляет меня провести этот эксперимент с искажением мифа – потому что я, как вы сами видите, его искажаю. Искажаю Бога, придавая ему самосознание и тем самым превращая его в абсолютную по отношению к нему оппозицию.

Получается довольно странно. Стоит Богу всего лишь получить самосознание, как он становится Дьяволом. Христианский Бог, однако, не делает этого – он взывает: “Почто мене оставил?..” Человек, никогда и никому не причинявший зла, погибает от рук других людей мучительнейшим способом, проходя через неизмеримое отчаяние и страдание.]

Сейчас мы уже яснее видим, что распятый на кресте Иисус находится на самой границе потусторонности, так сказать, нависая над ней, заглядывая в нее. Т.е., говоря на нашем языке, он находится на пороге любой возможной Зоны. Таково и “ожидание”, предъявляемое к нему. От него ждут, что он вернется и принесет новое (самое радикальное возможное новое).

Конвенция, которой нагружает его миф, однако, разумеется, заключается в том, что это порог Настоящей Зоны, настоящей потусторонности, причем потусторонности, которая “принадлежит” всем нам.

А следовательно, *здесь нет никакого опосредования. Никакого самосознания здесь нет и не может быть по определению*. Если бы у Иисуса на кресте было самосознание Бога – он просто был бы элементом (хотя и мощным и наделенным властью элементом) *этого мира*.

Ни к одному сталкеру в рамках христианства столь радикальные ожидания, разумеется, не предъявляются. И поэтому Сталкер из фильма, как, впрочем, и каждый реальный сталкер, нас *раздражает*. Мы испытываем раздражение, как будто он манипулирует нами, как будто он позирует. Но он же не Бог, в конце концов. Он не может ни отправиться в потустороннее, ни отвести туда. Он всего лишь бродит по его границам и дарит нам надежду. А она всегда неизбежно заканчивается каким-нибудь разочарованием.

Потому что никакой “настоящей” надежды просто не существует. Надежда именно поэтому является столь желанной, потому что реальный мир опровергает ее. Однако даже уничтоженная и прекратившаяся, надежда не всегда оставляет нас отчаявшимися и бессильными. Она может подарить нам и опыт.

И получается, что опыт есть бывшая надежда.